

Р.М. Лазарчук

**РОМАН Ф.А. ЭМИНА
«ПИСЬМА ЭРНЕСТА И ДОРАВРЫ»
В КОНТЕКСТЕ ПИСЕМ
А.Т. БОЛотова Н.Е. тулубьеву**

Понимание литературного произведения, глубина постижения его смыслов во многом определяются контекстом, в котором оно изучается. «Текст, — пишет М.М. Бахтин, — живет только соприкасаясь с другим текстом. <...> Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет <...>, приобщающий данный текст к диалогу».¹ При этом одинаково важным оказывается и «объем» контекстов, учтенных исследователем, и их характер. «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. А. Эмина всегда рассматривались в соотношении с западноевропейской традицией², и, прежде всего, с «Юлией, или Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо. Такой подход позволил установить сам факт влияния произведения великого женева на первый русский сентиментальный роман. Однако степень «зависимости» «Писем Эрнеста и Доравры» от французского образца все еще остается непроясненной. В романе Эмина исследователи видят то «довольно свободное» подражание³, «творческое усвоение и переработку» мотивов Руссо⁴,

¹ Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст. 1974: Литературно-теоретические исследования. М., 1975. С. 207.

² См.: Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 428-454; Фраанье М.Г. Об одном французском источнике романа Ф.А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 173—176.

³ Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. С. 449.

⁴ История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. Литература XVIII века. Ч. 2. С. 264.

то «карикатуру на «Новую Элоизу»⁵, «близкое подражание» ей, «пример внешнего, поверхностного усвоения новой формы»⁶, «переделку»⁷. Показательно название статьи М. Феррацци, подводящей итоги почти столетней истории изучения романа, — «"Письма Эрнеста и Доравры" Ф. Эмина и "Юлия, или Новая Элоиза" Ж.-Ж. Руссо: подражание или самостоятельное произведение?»⁸. Решение этой проблемы, несомненно, требует поисков новых контекстов, контекстов, связанных с внехудожественным опытом современников Эмина, обыкновенных русских людей 1760-х годов.

Выбор писем А.Т. Болотова (1738-1833)⁹ Н.Е. Тулубьеву¹⁰ в качестве такого «стимулирующего» исследование «Писем Эрнеста и Доравры» контекста объясняется несколькими причинами. Во-первых, хронологией. Сохранившаяся часть переписки Болотова с Тулубьевым датирована ноябрем—декабром 1760 года. Роман Эмина опубликован шесть лет спустя, в 1766 году. Во-вторых, характером отношений корреспондентов и, следовательно, характером их переписки. С морским офицером

⁵ Гукровский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 211.

⁶ История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 60—61.

⁷ История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. Литература XVIII века. С. 597.

⁸ См.: XVIII век. Сб. 21. С. 162—172. О новаторском характере романа Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» пишет С.Е. Шаталов. См. коллективную монографию: Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 195—208.

⁹ Болотов А.Т. Письма к разным лицам. Кенигсберг. 1760 год. — Рукописное отделение Российской национальной библиотеки. (Далее — РНБ.) Ф. 89. Болотовы А.Т., П.А. и М.П. Ед. хр. 110. В дальнейшем ссылки на рукопись даются в тексте.

Помимо десяти писем к Н.Е. Тулубьеву, в сборник, озаглавленный автором «Письма А.Б. 1760 года», вошли два письма родственникам, зятю и сестре, А.Ф. и М.Т. Травиным, и по одному письму секретарю Н.С.С. и господину Ч. Кто скрывается за этими инициалами, установить не удалось.

¹⁰ По сведениям, сообщаемым в «Генеалогии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 гг. (Сост. М. Чернявский. Тверь, 1869. № 1225)», Николай Еремеевич Тулубьев происходил из дворян. Он родился в 1735 году и рано лишился отца, капитана Еремея Васильевича (Российский государственный архив древних актов. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 272. Л. 1037 об., 401—401 об.). 1 января 1755 года Н. Тулубьева, окончившего полный курс наук в Морском кадетском корпусе, произвели в мичманы (См.: Список воспитанников... // Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением

Н.Е. Тулубьевым А.Т. Болотов познакомился в Кенигсберге. Их сблизили «нравы и склонности во всем почти одинакие».¹¹ «Поверенная и прямо дружеская переписка»¹² Болотова с Тулубьевым может быть воспринята как своеобразный аналог того слоя романа Эмина, который образовала переписка мужских персонажей — Эрнеста и Ипполита. В-третьих (и это едва ли не самый весомый аргумент) — форма сопоставляемых текстов: частная переписка и эпистолярный роман.

В письмах Болотова Тулубьеву зафиксирована начальная стадия сложного процесса эволюции письма от бытового к литературному.¹³ Оставаясь средством связи, они стали одновременно и средством духовного общения. Письма Тулубьеву Болотов воспринимал как «памятник» «тогдашней» своей «способности к писанию» и «тогдашним чувствованиям».¹⁴ Последнее определение особенно значимо. Оно — символ того времени, когда «человек, героически отрекавшийся от самого себя во имя идеала государства»¹⁵, стал постепенно возвращать себе самого себя, осознавать себя как личность. Сознание Болотова занято исключительно собой, своими мыслями, чувствами, и потому получение письма друга — факт, с точки зрения классицистической этики, совершенно незначительный, — становится для Болотова событием, достойным переживания. Бытовое письмо ограничивалось кратким сообщением о получении письма. Для Болотова это — тема, глубоко и подробно разрабатываемая, иногда (например, в письме Тулубьеву от конца ноября 1760 года) не только главная, но едва ли не единственная. Обычная для бытового письма информация о здоровье, служебных делах и погоде¹⁶ вытеснена описанием своего состояния: «...Когда б

ем списка воспитанников за 100 лет / Сост. Ф. Веселаго. СПб., 1852. С. 4). По словам Болотова, Николай Еремеевич был «нарочито учен и во многом <...> сведущ». — Об отношении Болотова с Тулубьевым см.: Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1870. Т. 1. Стб. 995—998.

¹¹ Там же. Стб. 996.

¹² Там же. Стб. 997.

¹³ См. об этом: Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

¹⁴ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Стб. 997.

¹⁵ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 85.

¹⁶ Она составляет содержание писем А.Т. Болотова сестре и зятю Травиным (п. 1—7).

могло перо мое довольно во[о]бразить искренность слов сих! Когда б не было оно слабо к такому начертанию. Но нет, я чувствую, что оно не в силах описать <...> Не только перо, но слов самих — недостаточно <...> Одно то могло бы Вас в том удостоверять, если бы Вы могли мое сердце пред Вами откровенное и все его движения видеть. Поистине могу признаться, что молчание Ваше мне к разным размышлениям повод подало. Наконец вооружился я терпением и принял намерение еще и до тех пор Вас просить, пока не увижу строк Ваших. Уже думал я, коим образом склонять Вас; уже вымышлял средства. Уже перо почти взял, как все мое уныние в чрезвычайную радость обратилось. Господин Б.*** принес мне письмо. Я тотчас мог заключить, что оно от Вас было. Боже мой! С какою радостью схватил я его. С каким желанием и с каким восхищением бежали мои глаза, сердце за собою влекущие, по строчкам вашим. Не устал я двадцать раз его прочитывая. Весь день оно у меня из рук не выходило, и каждый раз производил мне новую радость и новое удовольствие...» (л. 33).

Уже это письмо выдает в Болотова человека, который ценит свои чувства и сознательно культивирует их. Получив письмо приятеля, он не читает его сразу: «...хотя несказанным горю нетерпением, однако нарочно себя помучу» (л. 124). Намеренно обрекать себя на «страдания», предчувствуя наслаждение «муками»... Говорить о «воздыханиях» в отсутствие друга как о «приятном упражнении» (л. 120-121)... Следить за «состоянием» и «движением духа» своего, искусственно вызывать в себе нужное настроение, пускаясь в рискованные эксперименты («...сперва расскажу вам, в каком состоянии я теперь, дабы можно было мне яснее вообразить то действие, которое произведет во мне письмо Ваше. Я его еще не читал, хотя несказанным горю нетерпением...» (л. 124) ... Отчитываться в успехах «науки познания самого себя», признаваясь в собственных слабостях: «Остатки прежнего малодушия ныне во мне иногда еще являются. Хоть уже я никогда власти над собою не допускаю» (л. 127) ... Нет сомнений, письма Болотова Тулубьеву «переросли» значение частной переписки, став одновременно документальным «произведением», запечатлевшим раннюю стадию зарождения в рационалистическом типе сознания элементов чувствительности, когда это новое сентиментальное начало еще

выступает в рационалистической оболочке, воспринимается как одно из свойств рационалистической природы, еще не вычленившееся в самостоятельное качество, еще не осознанное как нечто враждебное, противоречащее и потому не разрушающее рационалистического единства личности.

Процесс осознания себя как личности развивается у Болотова в крайне противоречивых формах. Он дорожит своим чувством, но в еще большей мере гордится своим разумом: «Я старался <...> вести жизнь <...> прямо философическую».¹⁷

Поворот Болотова к самоуглублению, самоизучению, к нравственному самоусовершенствованию (в какой-то мере школой воспитания была для него и переписка)¹⁸ продиктован не только внутренними причинами, но и философией Вольфа, Готшеда, Зульцера, немецкой нравоучительной литературой, и в частности моральными еженедельниками.¹⁹ Здесь источник его бесконечных нравоучений, «философских» размышлений и страсти к «рассуждениям»: «Я чувствую в себе охоту с поверенными и благоразумными людьми разговаривать как заочно или присутственно о таких материях, которые от ежедневных разговоров возвышенны» (л. 75-76). Не случайно именно «пленившие рассуждения» больше всего и прежде всего ценит Болотов в письмах друга.

Чаще всего поучение является в его письмах в чистой, классической форме наставления, подсказанной немецкими моральными еженедельниками: «нравоучительное рассуждение, подкрепленное назидательным примером»²⁰: «...Всегдашнее душевное спокойствие есть лутчайшее счастье, какое мы иметь можем. Что поможет нам честь, что богатство, что слава, что

¹⁷ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. Стб. 976.

¹⁸ См., например, программное: «...Исполните искреннюю мою просьбу <...> все мои проступки мне открывать, их дружеским Вашим советом исправлять стараться» или: «За нравоучение Ваше приношу мою благодарность и радовался б, если всегда мои слабости таковыми прекрасными учениями отвращены были» и «отчеты» о результатах: «Остатки прежнего малодушия ныне во мне иногда еще являются. Хоть уже я никогда власти над собою взять не допускаю» (л. 87, 122, 127).

¹⁹ См. сообщение Болотова о намерении некой Каролины «выдавать еженедельный листок»: «Листочек ее хочется переводить и сии переводы сообщать к Вам, ибо думаю, что в них писаться будет хорошее нравоучение, как обыкновенно в таком сочинении бывает» (л. 138—139).

²⁰ Тронская М.Л. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962. С. 17.

высокие достоинства, когда не можем мы иметь притом спокойного духа <...> Не видим ли мы богачей, беспрестанно беспокоющихся и на злую свою судьбину жалобу приносящих, не видим ли генералов, окруженных многими тысячами по воле его ходящих, увенчанных лаврами <...>, но спокойства последнего рядового желавших» (л. 152—153). И так же, как в моралистических журналах, «развернутый логический комментарий предвзвешивает, сопровождает и обрамляет описание некоего конкретного факта, иллюстрирующего моральное положение»²¹ (см. философствования Болотова о «различии» «между истинным и ложным дружеством» — фрагмент письма от 30 декабря 1760 года [л. 140—150]).

Письмо от 9 декабря 1760 года — стройное, логическое рассуждение на определенную тему: «Кто был гордее: Платон или Диоген?». Болотов ведет его по всем правилам жанра: пространное самоуничтожение, формулировка «темы», объяснение «метода», подхода к явлению («Во-первых, всякая вещь имеет две стороны, добрую и худую. <...> Есть пороки, которые по одной мере пороками, по другой же — добродетельми»), сложная система доказательств, выводы: «Оба они имели хорошие, оба имели и худые свойства. Но совсем тем Платон Диогена превосходнее и в поступках своих извинительнее быть кажется» (л. 48, 49, 50, 56). Письмо Болотова Тулубьеву от 9 декабря 1760 года — трактат на одиннадцати страницах. Эрнест и Ипполит обмениваются уже «диссертациями на социально-политические и морально-философские темы».²² Объем некоторых из них достигает 35, 39, 47 страниц. В III части романа — 240 страниц — и только восемь писем. По мнению М. Феррацци, она представляет собой «трактат просветительно-классицистического характера», а «сентиментальный роман <...> в сущности исчерпывается в конце II части».²³ Заметим, что в IV части повествование возвращается в русло сентиментального романа. Подобный перерыв в развитии сюжета (а именно так может быть воспринята III — моралистическая — часть романа) объясняется разлукой Эрнеста и Доравры, а также замужеством героини. Однако в контексте писем Болотова Тулубьеву

²¹ Там же.

²² Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. С. 211.

²³ Феррацци М. «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина... С. 169.

эпистолярный диалог Эрнеста и Ипполита получает иную мотивировку. Это не вставка, нарушающая целостность текста, а один из элементов структуры романа, подчеркивающий жизненность создаваемых Эминым характеров, а следовательно, самостоятельность автора. Новый смысл обретает и форма романа, традиционно рассматриваемая лишь как литературный прием, заимствованный у Руссо и Ричардсона. Но в 1760-е годы функции самопознания и самовыражения личности начинает выполнять и частная переписка реальных людей.

Болотов называет свои письма проповедью: «... вот тема! теперь проповедь последует» (л. 110 — письмо от 27 декабря 1760 года). Определение не совсем точное: *исповедь* и *проповедь* — как крайние, но неравнозначные регистры (нравоучение всегда звучит у него сильнее) — вот что такое письмо Болотова. При этом проповедь в его письмах постоянно драпируется в исповедь, исповедь является под маской проповеди. Так уже в самом смешении двух начал, давших сложное видовое образование, не поддающееся однозначному определению, сказался переходный тип сознания автора писем.

Была ли у этих до сих пор неопубликованных писем какая-то другая, «литературная», жизнь? Были ли они известны в XVIII веке? — Трудно сказать. Одно несомненно, захваченные процессами, которые несколько лет спустя приобретут законченность в литературе, выльются в художественную закономерность, письма Болотова Тулубьеву объективно делались «первоначальными накоплениями», сыгравшими свою роль и в становлении жанра сентиментального романа, и в развитии русской традиции психологического анализа.

Для Болотова еще не существует проблемы, над разрешением которой бьется в это же время Руссо и которая неизбежно возникает перед Ф. Эминым: «...как органически соединить чувство и разум, идею и страсть, мысль и действие».²⁴ Чувствительность не была его вторым «я», «религией сердца», и вмешательства разума в ее сферу Болотов переносил почти безболезненно. Разум еще не критикуется с позиций сердца. Пока они в состоянии равновесия, быть может, только видимого. *Противоречие разумного и чувствительного*, едва-едва намечающееся в переписке Болотова и, по-видимому, неосознанное

²⁴ Верцман И. Жан-Жак Руссо. М., 1958. С. 197.

им, в середине 1760-х годов осознают и переживут как трагедию герои романа Ф.А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры».

Психологический тип человека переходного времени, стихийно отразившийся в письмах Болотова, в романе Ф. Эмина становится объектом художественного изображения: его характеристика усложняется и углубляется.

Чувствительность Болотова проявляется лишь в очень ограниченной сфере: в соответствии с «тематикой» своих писем он подробно и охотно говорит о своих дружеских чувствах, о «движениях сердца» при получении письма, о «чувствительнейшей печали». И только иногда оказавшийся далеко от отчего дома человек проговаривается о своем одиночестве: «...когда мне увидеть мою Родину, мне мнится, что у вас там и солнце светлее здешнего светит, что и небо синее; мне кажется, что и воздух у вас приятнее и порядочнее» (л. 21).²⁵ Это трогательно-наивное «...воздух там порядочнее» обнаруживает какие-то новые, к сожалению, совсем не раскрывшиеся стороны его психологической характеристики. Чувствительность Болотова робкая, само понятие «чувствительная душа» еще не существует для него. «Чувствительную душу» как некую непреходящую ценность откроют для себя герои «Писем Эрнеста и Доравры».

В чувствительности их сила («Сей философ великий имел разум, но слабые чувства <...>. Я его превосхожу моими чувствами. Он говорил то, что думал, а я утверждаю то, что чувствую»)²⁶ и слабость, их горе, беда («Нет большего несчастья, как иметь весьма чувствительную душу» [I, 42]) и величайшая награда, радость («Но я люблю, чувствую, и я человек...» [II, 167]). Осознание чувствительности как идеала и нормы жизни, с точки зрения Эмина, — процесс сложный, длительный, болезненно протекающий.

Унаследованная от современников страсть «расчленивать» и рассуждать (вспомним Болотова) приобретает у героев «Писем Эрнеста и Доравры» гиперболические размеры. Есть что-то странное в том удивительном благоразумии, с которым они философствуют об абстрактном счастье, когда рушится

²⁵ Цитировалось письмо А.Т. Болотова к Ч. от 2 ноября 1760 года в Москву.

²⁶ Эмин Ф.А. Письма Эрнеста и Доравры. СПб., 1766. Ч. I. С. 51—52. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: первая цифра означает часть, вторая — страницу.

их собственное («... хочу тебе одно только мое о настоящем счастье представить рассуждение. Вся собственность счастья...» [II, 82], — пишет Доравра, только что узнавшая об измене Эрнеста), говорят о чужой любви на развалинах своей, холодно взвешивают: «Положим, что я, разлучаясь с Дораврой...» (I, 152), расставаясь навсегда. Неспособность героя поврать с рассудочностью, чувствовать свободно, без боязливой оглядки на разум, не рассуждая и не «исследуя», — «печать» переходного времени, а значит, еще одно проявление связи романа с российской действительностью.

В бесконечных метаниях между доводами ума и стихией сердца рождается сомнение. И в этом тревожном: «я не знаю», «но для чего я сомневаюсь?» — симптомы нового. Болотов не знал сомнений. Герой Эмина сомневается, сомневается в себе, в своих чувствах, в чувствах любимого человека, он больше не верит во всеислие разума. «Некоторая затмевающая мой разум неизвестность <...> мне не позволяет ни распознать моих слабостей, ни следовать разума наставлениям <...>, сколько я мой ослабелый дух не принуждаю, чтобы правилам разума повиновался...» (I, 15), — признается Эрнест. Конфликт разумного и чувствительного так и остается нерешенным. Но доводя до предела противоречие, лишь слегка означенное в переписке Болотова, вынося этот конфликт в большую литературу, в прозу, Эмин как будто «дописывает» письма частного человека.

Есть какая-то внутренняя соотнесенность и в самом движении героя от цельной («проповеднической»²⁷ по своему духу) натуры Болотова к раздвоенным²⁸ характерам Эмина. «Чувствительная душа» и «проповедник» — в этой раздвоенности печать переходного времени, но в ней же и спасение героя романа. Когда нужно заставить замолчать сердце, з нем активизируется проповедник. Когда вновь проснется его чувство, оно станет избличать лживость собственных нравоучений. Одна «сторона»

²⁷ См. интересное признание Болотова: «Он <Гольберг> почти первый сочинениями своими вперил в меня охоту к нравоучению, и <...> мне захотелось уже и самому, по примеру его, сделаться нравоучителем». — Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. Стб. 959.

²⁸ Примечательно, что самый термин «раздвоение», ассоциирующийся обыкновенно лишь с более поздними литературными эпохами, встречается уже в «Теории нравственных чувств А. Смита» (1759). — Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1868. С. 152 и др.

его сознания всегда будет искать покоя, равновесия и, в конечном счете, спасения в своей противоположности. В разлуке с Дораврой Эрнест найдет забвение в проповеди: «Я инако оному <обществу> служить не могу, как изданием в свет <...> нравоучительных сочинений и переводением некоторых книг на здешний язык» (III, 141). А ведь это занятия Болотова.

Близким оказывается и сам принцип изображения душевного состояния, метод анализа, уровень психологизма. Контролирующая и анализирующая сила рассудка постоянно присутствует в письмах Болотова, вторгаясь в зыбкие, неясные чувства, чтобы разять их анатомическим ножом, точно определить, почти классифицировать состояние души: «Сегодняшнее мое письмо будет совсем беспорядочно. Я то наперед уже вижу, ибо состояние мое теперь такое, которое до порядочного в явлении мыслей меня, конечно, не допустит... Что сделалось с тобою?.. (спрашиваете Вы меня)... Я сам, братец, не знаю, что-то скучно, неприятно, ничего делать не хочется, все из рук валится; поверите ли, пол-листа бумаги переводил я целые три дня. — Не болен ли ты? (подумаете теперь Вы). Нет! братец, болен я, не болен, только Бог знает», — пишет он Н.Е. Тулубьеву 21 декабря 1760 года. Слитный, неразложимый поток чувств, еще совершенно неосознанных («Я сам <...> не знаю, что-то скучно, неприятно...») и едва-едва обозначенных — ведь даны лишь внешние проявления их («...ничего делать не хочется, все из рук валится...») —, «проводится сквозь разум» и оказывается понятным: «А всему тому причина знаема <...> Итак, теперь от меня ничего не ждите, как объяснения моего беспокойного состояния, да и то беспорядочного. Причина моей болезни есть не что иное, как резвость, молодым людям обыкновенно свойственная» (л. 70—71). По мере того, как разум пытается привести в порядок хаос чувств и мыслей, упорядочивается и выпрямляется фраза: на смену взволнованной, прерываемой бесчисленными паузами, действительно, смутной речи, являются конструкции громоздкие, тяжеловесные, но логически правильные.

Контроль разума совсем не тяготит Болотова. Напротив, он испытывает явную потребность в его вмешательстве. Страсть

«расчленивать»²⁹ доставляет молодому философу непонятное наслаждение. Иногда она становится самоцелью: Болотова занимает не столько чувство, сколько его причина, дающая повод для анализа.

То же явление, но в форме более заостренной, порой даже гипертрофированной, — в романе Ф. Эмина. Вот Эрнест после семи месяцев разлуки получает первое письмо любимой женщины: «Вся кровь во мне закипела, как я узнал, что Вы повседневно отсутствием моим беспокоитесь». Само чувство как будто совсем не интересует героя (и это после стольких ожиданий, надежд, разочарований!). Оно еще не названо и передано формулой довольно общей и традиционной: «Вся кровь во мне закипела...». Сознание равнодушно оставляет чувство и скользит вглубь, доискиваясь причины: «Но того я распознать не могу, отчего такое в ней рождалось волнение, от удовольствия или от печали...». Полной ясности нет: удовольствие ли? печаль? — не понятно. Но и этот наполовину отрицательный результат движет мысль, помогает конкретизировать и в конечном счете назвать, определить чувство: «...ибо признаться Вам долженствую, что такая весть не потревожила мое сердце, но влила в него некоторую нежность довольства» (II, 34). Рационалистический подход к изображению психологии человека ощущается в привычке героев Эмина «распознавать, какого были роду <...> горести и отчего происходили <...> мучения» (III, 14) и в бесконечных призывах «исследовать самого себя»: «Рассмотри, какая причина такого твоего необыкновенного уныния...» (I, 101).

Болотова занимает сам процесс разложения, расчленения, классификации чувств именно как процесс, дающий возможность почувствовать себя «философом» и «нравов учителем». Для Ф. Эмина аналитическое постижение причинно-следственных связей не самоцель, а необходимое звено психологического анализа. Если Болотову уже просто необходимо не только понять, но и назвать чувство, то герои «Писем Эрнеста и Доравры» с их сложной душевной организацией страшатся полутонов, катастрофически боятся чувств неназванных и неясных, мучительно ищут и не

²⁹ Любимое выражение А.Т. Болотова. См. письмо от 30 декабря 1760 года: «Признаюся, что сказано сие генерально, но расчленивать их <«внутренние мои чувствительности»> я смелости не имею», — пишет он — и тут же «расчленивает» свои чувства (п. 158).

находят их однозначного определения. «... Душа во мне трепещет, а ощущаю движение приятно в то время, когда несчастным становлюся. Как назвать такое движение? Как узнать, какой его источник? Если б оно не в моем было сердце, можно бы подумать, что происходит от радости» (II, 168), — сокрушается Эрнест.

Сходство не исключает различия. Рассудочному сознанию Болотова еще не доступны ни сложность, ни тем более противоречивость чувства. Чувства не сосуществуют, не живут рядом, причудливо «епеплетаясь и борясь», а лишь уступают место одному другому: «Мог у ли описать я те движения, которые при чтении строк Ваших в моем духе происходили. Радость, чистейшее удовольствие, с другой стороны, отчего о проступках, коими прежде мое письмо наполнено и которые Вы с таким великодушием покрываете, преминялися попеременно во мне и ничего иного не произвели как вящее к Вам высокопочитание» (л. 135). «Страх, сомнения, странные мысли попеременно сердце мое терзают» (I, 183), — повторит через шесть лет Ф. Эмин.

Но уже герои того же Ф. Эмина с удивлением обнаружат «переменчивость» человеческого сердца («Нет такой четверти часа, в которой бы оно в одном пребыло состоянии: мысль рождает другую мысль и последняя изгоняет прежнюю, но и та ненадолго остается и ни одна из них на своем месте установиться не может»), поразятся его парадоксам («...и посреди своего благополучия ищет скуки и печали» [I, 96]), изумятся сложности и противоречивости чувства. Открытие закономерное, за ним стоит опыт лирики Сумарокова и «Новой Элоизы» Руссо. Однако это было открытие на миг, почти не реализованное в «Письмах Эрнеста и Доравры», оставшееся только декларацией.

Поразительно «тематическое» сходство писем Болотова — и «Памятной книжки...»³⁰, являющейся своеобразным дополнением к ним, — с романом Ф. Эмина. Независимо друг от друга, разделенные временем и расстоянием, никому неизвестный офицер и профессиональный литератор, автор многих романов, обращаются к одним и тем же проблемам: уединение, дружба

³⁰ Болотов А.Т. *Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных.* Кенигсберг. 1761 год. — РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 55.

как средство «исправления пороков», познание самого себя и нравственное самоусовершенствование, человеколюбие как истинная добродетель, бог, таинство смерти и др. Некоторые из этих вопросов были поставлены в «Новой Элоизе» (1761).³¹ Но ведь в 1760 году Болотов никак не мог знать романа Руссо. Значит, это были проблемы времени, волновавшие реальных людей 1760-х годов.

Влияние «Новой Элоизы» на роман Ф. Эмина — факт бесспорный. Но несомненно и то, что созданные под воздействием Руссо «Письма Эрнеста и Доравры» явились вместе с тем произведением, запечатлевшим свой век. Обнаружение связей романа Эмина с российской действительностью 1760-х годов стало возможным благодаря контексту — письмам А.Т. Болотова Н.Е. Тулубьеву.

³¹ «...Внимательное сопоставление романа Эмина с «Новой Элоизой» Руссо показывает наличие совпадений вплоть до деталей», — пишет А.В. Западов (История русской литературы. Т. 4, ч. 2. С. 262). Но совпадения, иногда в деталях, обнаруживаются и при сравнении «Писем Эрнеста и Доравры» с письмами Болотова.